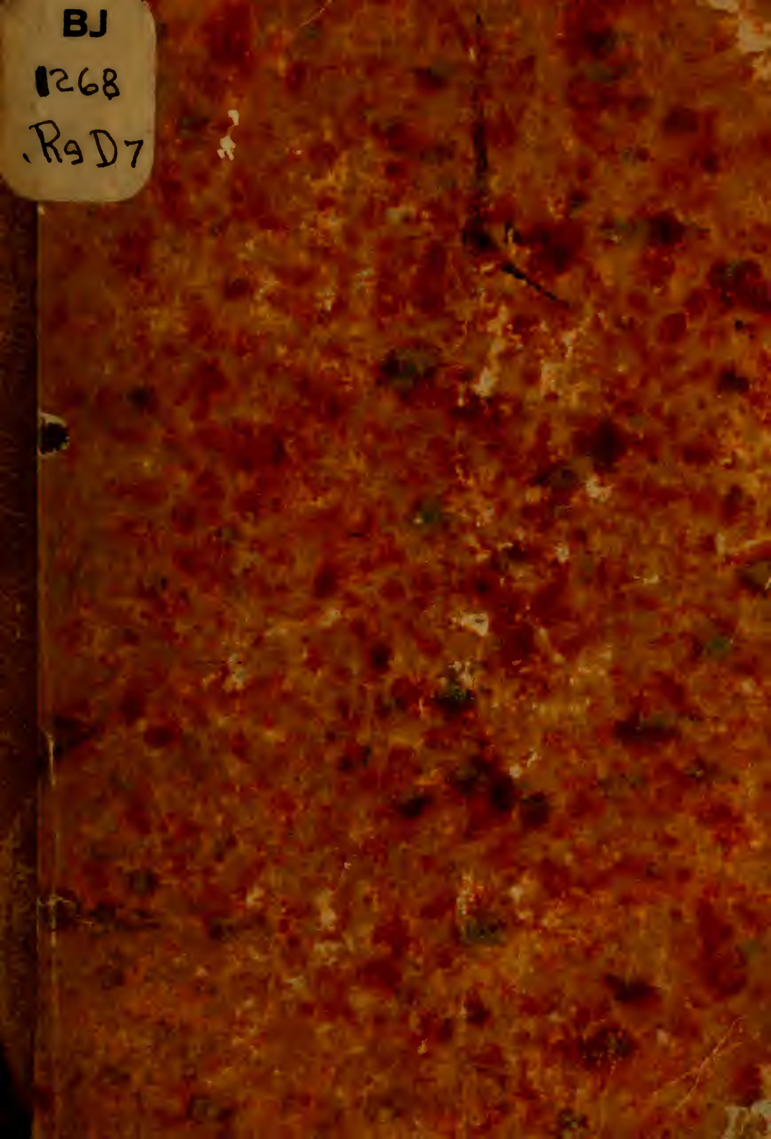
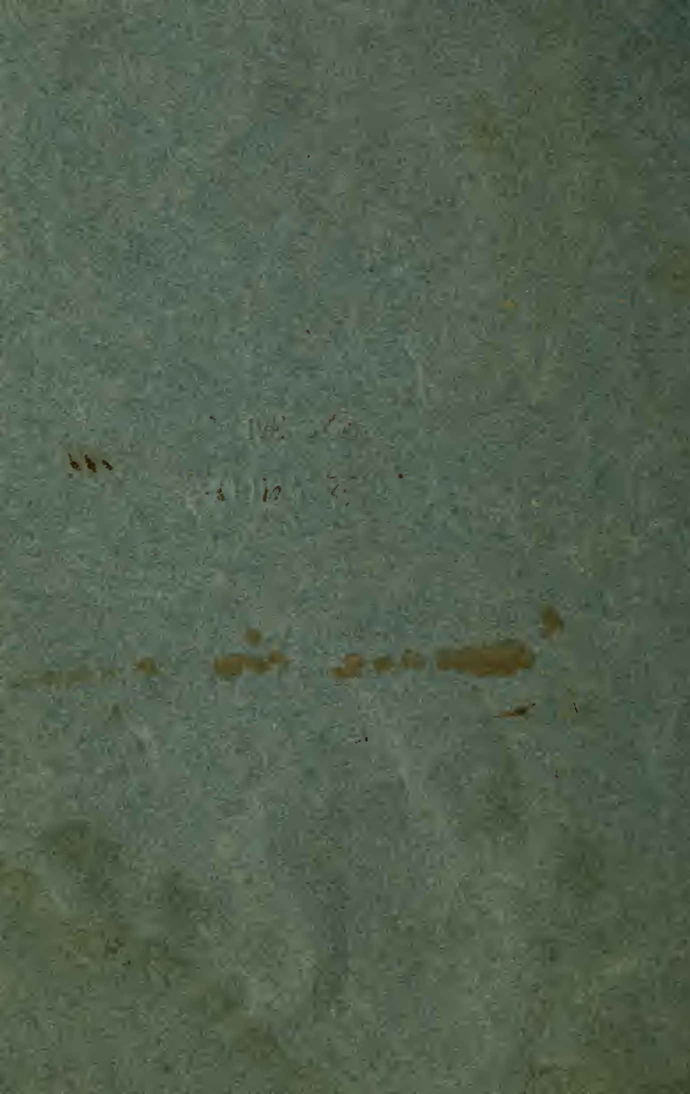

ОПЫТЪ СИСТЕМЫ НРАВСТВЕННОЙ ФИЛОСОФІИ.

СОЧИНЕНІЕ

Магистра Алексѣя Дроздова.

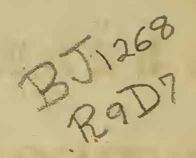
Parue . . . . liber. . . . .
vade, sed incultus.

Trist. Ovid. Nas. liber I. I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ГЛАЗУНОВА.

1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, Іюня 24 дня 1835 года.

Цензоръ А. Никитенко.

Издалъ Св. Ѳ. Сидонскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Осмѣливаясь представить Ученой Публикѣ первый опытъ своего усердія къ Наукѣ, столько же высокой по своему внутреннему достоинству, сколько необходимой и благодѣтельной въ обществахъ человѣческихъ, я не могу не признаться, что произведеніе пера моего не вполнѣ отвѣчаетъ понятіямъ и требованіямъ тѣхъ писателей, кои любятъ подвергать строгому изслѣдованію самыя несомнѣнныя истины, и сочинять обширныя системы. — Въ наше время нѣтъ, кажется, чувствованій, нѣтъ помысловъ, болѣе или менѣе сокровенныхъ въ природѣ человѣ-

чества, коихъ бы новѣйшая любознательность Нѣмцевъ не старалась привесть въ математическую очевидность и разложить на составныя начала. Въ семъ отношеніи какъ рѣшительный, догматическій тонъ, такъ и самая краткость моего сочиненія, не могутъ не показаться нѣсколько противными направленію новѣйшей философіи.

Но касательно краткости скажу въ свое оправданіе, что она только тогда можетъ считаться неизвинительнымъ недостаткомъ системы, когда препятствуетъ полнотѣ и ясности изложенія. Стараясь не столько повѣрять различныя практическія чувства и потребности человѣка началами той или другой философской системы, сколько приводить

въ ясный, систематическій порядокъ истины, уже достовѣрныя, извѣстныя всѣмъ, болѣе или менѣе замѣчающимъ во глубинѣ нашего духа отпечатокъ бытія высшаго, нравственнаго, — я, сколько могъ, избѣгалъ, при развитіи коренныхъ идей нравственной философіи, словъ, выраженій и оборотовъ сбивчивыхъ. Только на то, что имѣетъ прямое, существенное отношеніе къ началамъ, законамъ, побужденіямъ и обязанностямъ жизни нравственной, было обращено особенное вниманіе сочинителя. Открывать мысли посторонніи, кои или уясняютъ идею нашего нравственнаго достоинства, или усиливаютъ, облегчаютъ стремленіе человѣка къ совершенству, выводить различныя слѣдствія, на самомъ опытѣ показывающія

гнусность порока и прелесть добродѣтели, наконецъ составлять на основаніяхъ разумнаго законодательства различныя правила жизни: — все это предоставлено размышленію читателя, или внимательности наставника.

Что касается до методы изложенія, то мнѣ кажется, простая, догматическая форма есть самая приличная сочиненіямъ нравственнаго содержанія. Въ умозрѣніи испытатель естества можетъ позволить себѣ всѣ возможные способы строгаго, безпристрастнаго изысканія истины, не опасаясь какихъ нибудь вредныхъ послѣдствій: потому что заставить на прим. человѣка усомниться въ томъ, что пространство и время существуютъ независимо отъ на-

шей способности чувственно-созерцательной — ни сколько неопасно. Но поколебать увѣренность въ истинѣ нашего свободнаго, нравственно-разумнаго существованія, въ святости долга, въ непреложности Божественнаго воздаянія, не значило ли бы усиливать чувственное, преступное стремленіе наше освободиться отъ всякаго долга и законодательства и жить на подобіе безсловесныхъ твореній? — Справедливо ли думаю, пусть рѣшитъ здравомыслящій читатель. Впрочемъ во всякомъ случаѣ отдаюсь на судъ безпристрастной, отечественной критики.

Магистръ А. Дроздовъ.

23 Августа 1835 года.

ОПЫТЪ
НРАВСТВЕННОЙ ФИЛОСОФІИ.

ВСЕОБЩЕЕ ВВЕДЕНІЕ
ВЪ
ДѢЯТЕЛЬНУЮ ФИЛОСОФІЮ.

§ 1.

Различіе дѣятельнаго и умозрительнаго познанія.

Дѣятельная философія стремится къ развитію идеи добра въ человѣчествѣ, такъ какъ умозрительная — къ развитію идеи истины. Впрочемъ всякое дѣятельное познаніе есть вмѣстѣ и умозрительное. Ибо добро необходимо должно быть истиннымъ. И умозрительное познаніе

становится дѣятельнымъ, когда получаетъ вліяніе на чувствованія и дѣятельность человѣка.

§ 2.

Понятіе дѣятельной философіи.

Дѣятельная философія есть наука, занимающаяся изслѣдованіемъ вѣчныхъ и неизмѣняемыхъ законовъ нравственности и права. По сему она не можетъ выводить началъ своихъ изъ опытовъ историческихъ, или изъ какихъ нибудь правдоподобныхъ правилъ; но требуетъ точныхъ и основательныхъ свѣденій о томъ, что само въ себѣ истинно, хорошо и справедливо.

§ 3.

Предметъ дѣятельной философіи.

Вѣчныя идеи нравственности и права составляютъ предметъ дѣятельной фи-

лософіи. Разумъ занимается систематическимъ изслѣдованіемъ ихъ, или а.) углубляясь въ ихъ существенныя, составительныя части, или б.) разсматривая ихъ въ отношеніи къ человѣческой жизни — въ обществѣ и церкви.

§ 4.

Раздѣленіе дѣятельной философіи.

Дѣятельная философія, какъ наука добраго и справедливаго, состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: 1.) изъ философіи нравовъ (moralis philosophia) и 2.) изъ философіи Естественнаго права (ius naturae). Обѣ части философіи, въ своей неразрывной связи, должны заниматься рѣшеніемъ задачи: какимъ образомъ облагородить бытіе и жизнь человѣчества въ его чувствованіяхъ и дѣйствіяхъ.

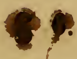
*

§ 5.

Отношеніе дѣятельной философіи къ умозрительной.

Дѣятельная и умозрительная философія суть виды одной и той же науки: слѣд. относятся другъ къ другу, на основаніи такъ называемой *координаціи*, такъ, что каждый изъ нихъ независимо отъ другаго можетъ стремиться къ достиженію своей полноты и самостоятельности. По сему поставлять философію умозрительную выше дѣятельной и на оборотъ, значитъ превращать естественный порядокъ столько же въ стремленіи человѣчества къ совершенству, сколько въ естественномъ отношеніи наукъ и знаній. Ибо умозрительная философія также направлена къ истинному, обнаруживающемуся въ вѣдѣніи

и познаніяхъ, какъ и дѣятельная къ добру, коимъ запечатлѣваются наши желанія и поступки.

НРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ

или

ФИЛОСОФСКОЕ НРАВОУЧЕНІЕ.

Нравственная философія, какъ наука, занимающаяся законами истинной нравственности, поставляетъ своимъ непосредственнымъ предметомъ внутреннюю жизнь человѣка, т. е. его чувствованія. Ибо духовный источникъ всѣхъ нашихъ дѣйствій заключается въ чувствованіяхъ. Она по своему объему должна быть раздѣлена на часть всеобщую и особенную, потому что должно 1) изслѣдовать существо нравственной жизни вообще,

и 2) показать, какимъ образомъ истинная нравственность обнаруживается въ церковномъ и гражданскомъ бытіи человѣчества.

§ 7.

Отношеніе ея къ Христіанскому нравоученію.

Нравственная философія новѣйшихъ временъ обязана своимъ высшимъ образованіемъ и направленіемъ преимущественно Христіанству; если бы захотѣли мы отнять у ней все, что заимствовала она изъ Христіанскаго нравоученія: то лишили бы ее всей ея силы. По сему-то Нравственная философія занимается только систематическимъ утвержденіемъ и изложеніемъ нравственнаго ученія Христіанства съ тою цѣлію, чтобъ возвысить нравственное чувство чело-

вѣчества на степень яснаго нравственнаго познанія.

§ 8.

Достоинство и польза.

Чувство нравственное, оставленное себѣ самому, легко можетъ впасть въ заблужденіе или въ безсиліе, частію отъ тѣхъ ложныхъ правилъ, вкоренившихся въ человѣческихъ обществахъ, которыя вообще не допускаютъ никакой нравственности, а ча́стію отъ побужденій и наклонностей своекорыстныхъ, привязывающихъ человѣка только къ земному.

Нравственная философія ведетъ насъ къ точному познанію вѣчныхъ законовъ нравственной жизни, отличая истинныя нравственныя начала отъ ложныхъ, благопріятствующихъ эгоизму и всѣмъ низкимъ страстямъ испорченной природы человѣческой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВСЕОБЩАЯ НРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ.

§ 9.

Предметъ общей нравственной философіи.

Всеобщая часть философскаго нравоученія развиваетъ первоначальныя идеи природы человѣческой, на которыхъ основывается возможность нравственнаго бытія вообще, именно идеи: 1) добра, 2) нравственной свободы и наконецъ 3) нравственной побудительной причины.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ИДЕЯ ДОБРА.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Всеобщее развитіе идеи добра.

§ 10.

Доброе есть религіозная идея, также какъ истинное и прекрасное.

Человѣческій духъ поставляетъ Бога

первоначальнымъ источникомъ столько же всего Добраго, сколько всего Истиннаго и Прекраснаго; слѣд. вѣчная идея добраго имѣетъ тѣсную, превѣчную связь съ Богомъ, Существомъ Всесвятѣйшимъ. Ибо все доброе принимаетъ характеръ истиннаго добра не иначе, какъ отъ своего участія въ превѣчномъ добрѣ и превѣчной истинѣ. По сему-то все нравственно-доброе и запечатлѣно печатію величія и святости, возбуждающихъ въ человѣкѣ безконечное благоговѣніе. Ибо оно есть *отраженіе* высочайшаго Добра — Бога.

Доброе имѣетъ также тѣснѣйшее сродство съ Истиннымъ и Прекраснымъ. Ибо и оно также какъ истинное и прекрасное не подлежитъ никакой перемѣнѣ; — вѣчно равное самому себѣ, оно

никогда не теряетъ высокаго значенія своего для человѣческаго духа.

Нравственно-доброе становится изящнымъ, когда обнаруживается въ насъ, какъ любовь къ Богу и человѣчеству. По сему каждый добрый поступокъ человѣка есть вмѣстѣ истинный и прекрасный поступокъ.

§ 11.

Высочайшее добро и высочайшее зло.

Высочайшее добро (summum bonum, finis bonorum) должно имѣть безусловное, самостоятельное достоинство и преимущество въ сравненіи съ земными благами. Но поелику нравственное бытіе человѣка есть его непрерывное стремленіе къ чистотѣ чувствованій и святости — стремленіе, къ которому обязываетъ насъ мысль о безусловной чи-

стотѣ и святости Божіей; то и высочайшее добро можно разсматривать а) въ его отрѣшенной полнотѣ и b) во отношеніи къ человѣческой жизни (объективно и субъективно).

Въ первомъ случаѣ высочайшее добро есть только Богъ. Ибо нѣтъ добра, если нѣтъ Бога; но, въ отношеніи къ человѣческому бытію, высочайшее благо есть чистота чувствованія или святость воли, основывающаяся на томъ, что Богъ святъ.

Если любовь къ Богу, въ дѣлахъ и чувствованіяхъ, есть высочайшая и послѣдняя цѣль всего нравственнаго стремленія: то забвеніе Бога, какъ основаніе и корень всѣхъ дѣлъ безнравственныхъ, должно почитать высочайшимъ зломъ. Оно обнаруживается въ *непокорности* и *своекорыстіи*, которыя не что иное суть,

какъ двѣ степени нашего отпаденія отъ Бога. Ибо тамъ, гдѣ онѣ укореняются, наши мысли и желанія разрываютъ свою связь съ Божествомъ, принимаютъ направленіе къ одному тлѣнному, стараясь утвердить бытіе и жизнь, независимыя отъ Бога.

§ 12.

Блага относительныя.

Относительныя блага суть средства, для осуществленія высочайшаго добра, такъ какъ безъ средствъ нельзя достигнуть цѣли. Они называются относительными по той причинѣ, что истинное достоинство приписывается имъ только подъ условіемъ ихъ отношенія къ безусловному или высочайшему добру, которое есть высочайшая и послѣдняя цѣль ихъ пріобрѣтенія и употребленія. Въ противномъ случаѣ онѣ теряютъ

все истинное свое значеніе, становятся благами мнимыми (bona apparentia), составляющими предметъ одного чувственнаго наслажденія.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЗАКОНЪ НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

§ 13.

Существенныя свойства высочайшаго нравственнаго закона.

Если высочайшій законъ нравственности долженъ имѣть истинное достоинство и нравственную цѣну: то онъ долженъ происходить a) изъ идеи высочайшаго добра, b) обнимать всю область нравственной жизни, слѣд. имѣть характеръ безусловной всеобщности, c) долженъ имѣть прямое и преимущественное направленіе къ нашему чув-

ству, ибо только чувство сіе зависитъ отъ воли во всѣхъ отношеніяхъ жизни. Но когда мы станемъ требовать отъ высочайшаго нравственнаго закона того, чтобы онъ всегда научалъ, какъ долженъ поступать нравственно - добрый человѣкъ въ каждомъ особенномъ, непредвидѣнномъ случаѣ, то или будемъ требовать отъ него совершенно невозможнаго, или мораль должна перемѣниться въ такъ называемую Казуистику. Въ такомъ случаѣ, чтобы не разстроить связи и единства началъ дѣятельной философіи, лучше всего предоставить различеніе добра и зла самому произволу человѣка.

§ 14.

Высочайшее начало нравственности.

Всякая нравственная жизнь предполагаетъ истинно - нравственное чувство;

именно она требуетъ, чтобы человѣкъ поставлялъ средоточіемъ своего бытія не эгоизмъ или безнравственное самолюбіе, но любовь къ Богу и человѣчеству. По сему высочайшій нравственный законъ можетъ быть выраженъ такъ: *устремляй свое чувство къ Богу во всѣхъ отношеніяхъ жизни.* Сіе начало нравственности проистекаетъ а) изъ идеи высочайшаго добра, которое есть Богъ; b) обнимаетъ всю область нравственной жизни, потому что относится къ чувству, сему коренному источнику нашихъ поступковъ; с) связываетъ нравственность съ Религіею, и тѣмъ самымъ обезпечиваетъ истинное достоинство нравственности.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Производные нравственные законы.

§ 15.

Содержаніе ихъ.

Нравственные законы вообще суть умозрительные и дѣятельные. Ибо они руководствуютъ насъ къ познанію добра и зла и вмѣстѣ относятся къ нашимъ чувствованіямъ и поступкамъ. Они вѣчны и неизмѣняемы; — суть законы Божественные; поелику имѣютъ свое основаніе въ Богѣ и въ существѣ природы человѣческой.

По своему объему всѣ нравственные законы суть: a) или отрицательные, — запрещающіе, или b) положителвные, — повелѣвающіе. Законы отрицательные запрещаютъ всякое злое чувствованіе вмѣстѣ съ дѣйствіями и поступками,

кои изъ него проистекаютъ; положительные напротивъ того требуютъ отъ насъ любви къ Богу и ближнему какъ въ чувствованіяхъ, такъ и поступкахъ.

Прим. Систематики раздѣляютъ нравственные законы a) на высшіе и низшіе, b) на согласные и противорѣчущіе. Впрочемъ сіе раздѣленіе можетъ быть полезно только тогда, когда дѣло идетъ о какомъ нибудь уже опредѣленномъ поступкѣ.

§ 16.

Противорѣчіе нравственныхъ законовъ.

Противорѣчіе нравственныхъ законовъ (collisio legum) не возможно въ чувствованіяхъ; оно можетъ случиться только въ человѣческихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ.

Отрицательные нравственные законы

никогда не могутъ противорѣчить другъ другу. Это очевидно изъ свойства законовъ сихъ. Они открываются человѣку въ своихъ запрещеніяхъ; но человѣкъ можетъ узнать запрещенное и не дѣлать его во всѣхъ отношеніяхъ своей жизни; слѣдов. сіе противорѣчіе можетъ встрѣтиться только a) между закономъ отрицательнымъ и положительнымъ, и b) между двумя положительными. Когда 1) законъ положительный противорѣчитъ отрицательному, въ такомъ случаѣ первый долженъ уступить послѣднему. Ибо ничто не позволяетъ дѣлать какое нибудь преступленіе средствомъ даже для доброй цѣли,—ничто не позволяетъ дѣлать зло, изъ котораго можетъ произойти добро. Самая святая цѣль не можетъ освятить преступнаго средства, потому что не возможно сдѣлать пре-

ступленія нравственно-добрымъ поступкомъ.

Но когда 2) противорѣчіе находится между двумя положительными нравственными законами, тогда законъ низшій долженъ уступить высшему. Ибо несообразно съ нравственностію уничтожать высшее для низшаго. Изъ сего очевидно, что изъ двухъ противоположныхъ нравственныхъ законовъ только одинъ можетъ имѣть силу въ отношеніи къ нашей дѣятельности.

§ 17.

Нравственная обязанность и должность.

Обязанность (obligatio) сообразоваться съ нравственнымъ закономъ называется нравственною потому, что она проистекаетъ изъ духовной природы человѣка и направлена къ свободѣ нашей

воли. Посему лицемъ сей обязанности можетъ быть только человѣкъ, способный дѣлать употребленіе своего разума и воли. Нѣтъ никакой обязанности къ поступкамъ невозможнымъ въ физическомъ ли то, или нравственномъ отношеніи.

То, что нравственный законъ запрещаетъ и повелѣваетъ въ отношеніи къ дѣйствующему лицу называется должностію (officium). Должность требуетъ неограниченной покорности закону, покорности, произтекающей не изъ физическаго принужденія, но изъ свободнаго расположенія сердца, и потому должность есть нравственная необходимость. Но поелику всѣ должности произтекаютъ изъ нравственнаго закона: то также, какъ и самый нравственный законъ, можно разсматривать ихъ въ

отношенiи положительномъ и отрицательномъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О НРАВСТВЕННОЙ СВОБОДѢ.

ОТДѢЛЕНIЕ ПЕРВОЕ.

Развитiе сей идеи.

§ 18.

Свобода воли, разсматриваемая въ ея противоположности съ необходимостiю естественною.

Нравственная *свобода* есть дѣятельность, руководствующаяся своими внутренними побужденiями и цѣлями, — дѣятельность, совершенно независимая отъ прочихъ естественныхъ, — духовная; *необходимость* напротивъ обнаруживается намъ, какъ дѣятельность, о-

граниченная законами времени и пространства. По сему свобода нашей воли есть коренная сила души, — способность, основанная на существѣ человѣческой природы: но жизнь человѣка, какъ лица недѣлимаго, подлежитъ и законамъ необходимости, въ силу которой та же самая свобода обнаруживается уже, какъ внѣшнее дѣйствіе или поступокъ. Безъ необходимости нашей собственной природы, мы не могли бы знать и въ чемъ состоитъ самая свобода воли.

Нѣтъ совершенной противоположности между необходимостію и свободою; ибо та и другая соединяются въ человѣческой природѣ слѣдующимъ образомъ:

Совершенно свободны а) всѣ мысли и ощущенія, какъ порожденіе духовной природы человѣка. Но мысли и ощущенія составляютъ то, что называется вну-

треннимъ чувствомъ, слѣдов. совершенно свободно человѣческое чувство, какъ духовный источникъ всѣхъ человѣческихъ поступковъ. Далѣе совершенно свободны b) всѣ движенія тѣла, отвѣчающія мыслямъ и ощущеніямъ; слѣдов. отвѣчающія внутреннему чувству. Ибо въ сихъ явленіяхъ выражается всегда и вездѣ свобода человѣческаго духа.

Отъ законовъ необходимости зависитъ а) бытіе человѣческаго тѣла и его отношеніе къ міру внѣшнему; b) каждое впечатлѣніе, производимое въ душѣ нашимъ составомъ тѣлеснымъ, на прим. впечатлѣніе голода, жажды, теплоты и стужи и проч. Но сія необходимость тѣлеснаго состава не можетъ поколебать основаній свободы, или сдѣлать ей какое нибудь принужденіе. На семъ основывается положеніе, принятое схола-

стиками: Voluntas non est immunis a necessitate, sed a coactione tantum (т. е. воля не независитъ отъ необходимости, но не зависитъ отъ принужденія).

§ 19.

Свобода внутренняя и внѣшняя.

Внѣшняя свобода принадлежитъ къ дѣйствію и поступку, и въ семъ случаѣ ограничивается внѣшними отношеніями и силами естественными. Только воля, но не дѣйствіе внѣшнее, всегда и совершенно зависитъ отъ распоряженій одного духа; это потому, что мы безусловно можемъ желать добраго дѣйствія, между тѣмъ силы природы могутъ препятствовать осуществить его. Въ семъ случаѣ воля и самое дѣйствіе значатъ одно и то же. — Только свобода внутренняя возвышена надъ всякимъ при-

нужденіемъ. Ибо внутреннее чувство не можетъ быть принуждено къ чему нибудь ни внѣшнимъ, ни внутреннимъ образомъ, т. е. ни посредствомъ физическаго насилія, ни посредствомъ побужденій и наклонностей чувственныхъ.

§ 20.

Задачи, касающіяся нравственной свободы.

1.) Можетъ ли насиліе, или физическое принужденіе уничтожить нашу нравственную свободу?

Принужденіе или насиліе можетъ нарушить и уничтожить только внѣшнюю, но не внутреннюю свободу; ибо чувство наше всегда остается непринужденнымъ, свободнымъ; слѣд. когда чисты наши чувствованія, то и тѣло ни сколько не очерняется внѣшнимъ принужденіемъ. Но чтобы тотъ, кого посредствомъ

физическаго насилія принуждаютъ къ какому нибудь безнравственному поступку, остался совершенно невиннымъ, нужно, чтобъ онъ боролся съ искушеніями, внѣшнимъ и внутреннимъ образомъ, сколько позволятъ его силы; ибо кто не сражается съ принужденіемъ, тотъ не терпитъ никакаго насилія.

2.) Могутъ ли ужасы смерти принуждать нашу волю сдѣлать какой нибудь поступокъ не свободно?

И самый страхъ смерти не можетъ поколебать нравственнаго могущества воли. По сему, кто боясь смерти, дѣлаетъ зло, поступаетъ свободно; ибо считаетъ потерю жизни большимъ зломъ, нежели потерю нравственности.

3.) Какое вліяніе имѣютъ на чувствованія и поступки заблужденіе и невѣжество?

Заблужденіе бываетъ или произвольное, или непроизвольное. Произвольныхъ заблужденій можно избѣжать, и по сей самой причинѣ они свободны. Непроизвольное заблужденіе неизбѣжно, слѣд. и несвободно. То же можно сказать и о невѣжествѣ.

Теперь, если худой поступокъ происходитъ отъ непроизвольнаго заблужденія, или непроизвольнаго невѣжества: въ такомъ случаѣ хотя виновникъ поступка можетъ быть оправдываемъ, но самый поступокъ никогда не будетъ добрымъ; для человѣка и человѣчества онъ — несчастіе.

§ 21.

Понятіе такъ называемаго Детерминизма, или системы, опровергающей нравственность нашихъ дѣйствій.

Ученіе, по которому всѣ наши чувствованія и поступки зависятъ будто отъ не-

*

обходимыхъ причинъ, называется Детерминизмомъ. Вооружаясь противъ всѣхъ священныхъ, непреоборимыхъ требованій человѣческаго духа, оно отвергаетъ всякую свободную самодѣятельность, предполагаетъ безконечный рядъ причинъ и дѣйствій, слѣдов. принужденіе не только внѣшнее, но и внутреннее.

§ 22.

Различіе Детерминизма отъ Фатализма.

Ежели ученіе Детерминизма покаряетъ нравственную жизнь слѣпой необходимости зиждущей, устрояющей вселенную и управляющей ея законами: то называется Фатализмомъ — сообразно съ любимымъ изреченіемъ Стоиковъ: ducunt uolentem fata, nolentem trahunt (слѣпой рокъ ведетъ хотящихъ итти — влечетъ нехотящихъ).

§ 23.

Ложныя основанія Детерминизма.

Детерминизмъ опирается на слѣдующихъ ложныхъ началахъ:

1.) Всякое выраженіе воли находится въ тѣснѣйшей связи съ познаніемъ добра и зла; сіе познаніе дѣлаетъ принужденіе волѣ, слѣдов. человѣкъ поступаетъ несвободно. — Но пусть познаніе происходитъ по необходимымъ законамъ человѣческаго духа: рѣшимость чувствовать расположеніе къ узнанному добру и злу, и приводить въ исполненіе то или другое — совершенно свободна и не зависитъ отъ принужденій. Исторія ужаснѣйшихъ злодѣевъ, которыхъ совѣсть всегда была на сторонѣ добродѣтели, подтверждаетъ сію истину довольно ясно.

2.) Всякое желаніе предполагаетъ достаточную причину, слѣд. всякое желаніе зависитъ отъ какой нибудь необходимости.

Начало воли есть — самая воля, т. е. воля есть безусловная причина своей собственной рѣшимости, и не происходитъ отъ какой либо внѣшней причины.

3.) Нравственная свобода предполагаетъ, что человѣкъ можетъ дѣлать зло, слѣд. люди получили отъ природы способность ко злу.

Возможность дѣлать зло не принадлежитъ къ существу свободы. Иначе Богъ, который есть первоначальный источникъ всякой свободы, не имѣлъ бы свободы. Но — что человѣкъ чувствуетъ иногда какъ бы влеченіе ко злу, — это показываетъ уже нѣкоторый переворотъ въ его первоначальной природѣ, переворотъ, который совсѣмъ не былъ необхо-

димымъ слѣдствіемъ нашей свободы, или намѣреній Божіихъ. Одинъ тотъ, кто отвергаетъ переворотъ сей, и совершеннѣйшій образецъ истиннаго человѣчества находитъ въ настоящей природѣ человѣка, можетъ утверждать, что причина зла лежитъ въ существѣ нашей свободы.

4.) Свобода воли противорѣчитъ Божественному всевѣденію. Ибо человѣкъ можетъ поступать не иначе, какъ Богъ предвидитъ.

Свобода есть не собственное произведеніе человѣка, а даръ Божій, такъ же какъ умъ и всѣ прочія способности нашего духа. Посему несообразно ни съ какою философіею смотрѣть на волю такъ, какъ будто бы она была совершенно независима отъ Бога и не имѣла нужды въ какомъ нибудь высшемъ вліяніи, словомъ: какъ будто бы она

только посредствомъ собственныхъ силъ могла творить добро. Но если Богъ есть первоначальный источникъ и виновникъ человѣческой свободы: то по сей самой причинѣ изчезаетъ всякое противорѣчіе свободной воли Божественному всевѣденію.

Не понимая, какъ свобода человѣческой воли можетъ существоватѣ вмѣстѣ съ всевѣденіемъ Бога, мы не имѣемъ права отвергать той важнѣйшей истины нашей нравственности, что человѣкъ дѣйствуетъ свободно. Мы знаемъ, что свобода и Божественное предвѣденіе существуютъ безъ всякаго противорѣчія другъ другу; но какъ онѣ могутъ или должны существовать (ratio possibilitatis), это останется для ума задачею, также непостижимою, какъ и самое Божество.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Нравственное вмѣненіе.

§ 24.

Его понятіе и область.

Всѣ чувствованія и поступки, кои произтекаютъ изъ нашей рѣшимости, вмѣняются намъ. Посему вмѣненіе вообще можетъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ находится свобода воли. Оно состоитъ въ сужденіи о нравственномъ достоинствѣ или недостоинствѣ поступковъ человѣческихъ; по сему при немъ должно входить въ разсмотрѣніе: а) произошло ли какое нибудь дѣйствіе изъ свободной рѣшимости виновника его, и b) сообразенъ ли поступокъ съ законами нравственными, или нѣтъ.

По сему вмѣненіе есть двоякое. Оно бываетъ: 1) когда что нибудь вмѣ-

няется человѣку въ поступокъ (imputatio facti), 2) когда самое дѣйствіе вмѣняется намъ въ вину, или заслугу (imputatio meriti vel culpae).

§ 25.

Вліяніе чего нибудь въ поступокъ.

Человѣкъ можетъ быть свободнымъ виновникомъ какого нибудь дѣйствія или непосредственно или посредственно. Въ обоихъ случаяхъ поступки человѣка ему вмѣняются.

Если самъ человѣкъ лично производитъ какой нибудь свободный поступокъ самодѣятельнымъ или страдательнымъ образомъ, и если онъ не дѣйствуетъ, тогда какъ могъ бы и долженъ былъ дѣйствовать: въ такомъ случаѣ онъ — непосредственный виновникъ своихъ поступковъ, такъ что и самая недѣя-

тельность становится собственнымъ его поступкомъ.

Если напротивъ мы не сами дѣлаемъ что нибудь, но принимаемъ свободное участіе въ свободномъ дѣйствіи другихъ: тогда бываемъ виновниками своихъ дѣйствій посредственными. Ибо въ нравственной жизни воля и поступокъ означаютъ почти одно и тоже. Гдѣ свободная рѣшимость, тамъ и поступокъ.

Въ поступокъ намъ вмѣняются: a) всѣ мысли и чувствованія, изъ коихъ мы по свободному расположенію развили и воспитали въ глубинѣ души своей наклонности, или добрыя, или худыя, или благородные порывы духа, или низкія страсти тѣлесныя; b) всѣ движенія тѣла, соотвѣтствующія нашимъ мыслямъ и чувствованіямъ. Сюда относится всякій внѣшній поступокъ, который сдѣ-

ланъ, или нами самими, или только при нашемъ участіи; с) всѣ слѣдствія поступка, проистекающія изъ самаго существа его. Ибо кто расположенъ къ какому нибудь поступку, тотъ не можетъ быть нерасположеннымъ къ вреднымъ или благодѣтельнымъ послѣдствіямъ, которыя имѣютъ неразрывную связь съ самымъ поступкомъ; нравственныя послѣдствія нашихъ дѣяній составляютъ какъ бы существо ихъ. Отсюда положеніе Схоластиковъ: causa causae est etiam causa causati.

§ 27.

Понятія нравственной заслуги и нравственной вины.

Когда мы вмѣняемъ какой нибудь поступокъ въ заслугу или въ вину тому, кто его дѣлаетъ: въ такомъ случаѣ

утверждаемъ, что чувствованія и поступки его, или сообразны съ законами нравственности, или нѣтъ: и вмѣстѣ съ симъ рѣшаемъ и то, что сей человѣкъ, какъ лице дѣйствующее, или заслужилъ себѣ награду, или сдѣлался достойнымъ наказанія. Ибо вѣчный законъ правосудія требуетъ безусловнаго воздаянія добру или злу — мысль, которою обезпечивается истина таинственныхъ распоряженій вѣчнаго Промысла.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Совѣсть.

§ 25.

Понятіе и два рода совѣсти.

Совѣсть есть первоначальное чувство добра и зла, основанное на существѣ

духовной природы человѣка. Она раскрывается въ человѣкѣ вмѣстѣ съ развитіемъ ума и обнаруживается, какъ совѣсть добрая, во всемъ чистомъ и справедливомъ образѣ дѣятельности и характерѣ человѣка, но она становится совѣстію злою, угрызающею при всякомъ незаконномъ чувствованіи, или поступкѣ существа свободнаго и разумнаго.

Примѣчаніе. Совѣсть, разсматриваемая въ двухъ вышеупомянутыхъ отношеніяхъ, раздѣляется на предъидущую и послѣдующую. Первая предшествуетъ поступку и состоитъ въ сознаніи нравственнаго закона и обязанностей, возлагаемыхъ имъ на свободу воли нашей; послѣдняя слѣдуетъ за поступкомъ, и оправдываетъ, или осуждаетъ человѣка, производя въ немъ сознаніе свободнаго исполненія или преступленія закона.

§ 28.

Должно смотрѣть на совѣсть, какъ на существенную принадлежность нашей природы.

Совѣсть принадлежитъ къ существеннымъ свойствамъ духовной природы человѣка, и никакъ не можетъ быть слѣдствіемъ воспитанія, или какихъ нибудь общественныхъ господствующихъ привычекъ. Если бы то или другое было справедливо, то мы могли бы когда нибудь обойтись безъ сего внутренняго судіи. Но опытъ увѣряетъ, что хотя можно усыпить совѣсть, но никакъ нельзя совершенно искоренить ея въ человѣческомъ духѣ. — Изъ одного міра она сопровождаетъ насъ въ другой.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

НРАВСТВЕННАЯ ПОБУДИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Развитіе сей идеи.

§ 29.

Двоякій видъ побудительной причины.

Поелику познаніе, чувствованіе и желаніе соединены въ природѣ человѣческой тѣснѣйшимъ образомъ: то человѣкъ для своей дѣятельности имѣетъ нужду въ такихъ побудительныхъ причинахъ, которыя бы имѣли вліяніе a) на его познаніе и b) на его чувствованія.

Побудительная причина, которая должна руководствовать наше познаніе, заимствуется изъ существа самаго предмета и состоитъ въ силѣ и ясности доводовъ какой нибудь практической

истины. Побужденія нужныя для того, чтобы расположить чувства и волю къ дѣйствію, суть совершенно внутреннія. Онѣ извлекаются изъ двоякой природы нашихъ чувствованій: 1) изъ природы тѣлесной и 2) духовной.

Первыя побужденія по справедливости можно назвать земными, потому что корень ихъ находится въ человѣческомъ эгоизмѣ или самолюбіи. Послѣднія суть духовныя, нравственныя побужденія, въ полномъ смыслѣ сего слова; потому что они произтекаютъ изъ чистой, безкорыстной любви ко всему доброму.

§ 30.

Какія нужны побужденія для нравственно-добраго поступка.

Для того, чтобы поступокъ былъ совершенно добрымъ: требуется, чтобы

побудительными причинами для дѣятельности нравственно-разумнаго существа были: 1) познаніе добра и 2) любовь къ добру и первообразу всего добраго.

Ибо не только внѣшнее дѣйствіе должно быть добрымъ, но и самое чувствованіе или, что одно и тоже, — самое намѣреніе, которое составляетъ душу поступка. По сему совершенно добрый поступокъ есть принадлежность только человѣка съ образованнымъ умомъ и сердцемъ. Впрочемъ само собою разумѣется, что доброе намѣреніе не можетъ оправдать худаго поступка; ибо добрая цѣль не можетъ облагородить низкаго средства.

§ 31.

Понятіе поступковъ нравственно - безразличныхъ.

Нѣтъ въ нравственномъ смыслѣ по-

ступковъ безразличныхъ (actus indifferentes); т. е. нѣтъ никакаго свободнаго поступка, который не былъ бы ни добръ, ни худъ. Ибо въ области нравственной всѣ возможныя отношенія жизни нашей должны быть опредѣлены чистотою чувствованія. Здѣсь все зависитъ отъ того, съ какимъ намѣреніемъ мы поступаемъ; но намѣреніе никогда не можетъ быть безразличнымъ: потому что оно всегда должно быть направлено къ высочайшему добру, слѣд. не возможно никакое дѣйствіе въ нравственномъ отношеніи безразличное.

Только тѣ поступки могутъ считаться безразличными, которые не имѣютъ никакаго отношенія къ свободѣ. Но они по сему самому не относятся къ нравственному бытію человѣчества.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Добродѣтель и порокъ.

§ 32.

Понятіе и существенныя свойства добродѣтели.

Добродѣтель есть господствующее расположеніе дѣлать добро изъ любви къ Богу — высочайшему добру. По сему отношеніе человѣческой дѣятельности къ Богу составляетъ душу и существо всякой истинной добродѣтели.

Необходимыя принадлежности добродѣтельнаго суть: a) знаніе высочайшаго добра; b) уваженіе и любовь къ добру — имѣющая въ виду Бога—вѣчную любовь; c) твердость намѣренія въ исполненіи добра; d) мужество, не оставляющее подвижника добродѣтели, до конца видимой жизни.

§ 33.

Порокъ и его необходимыя слѣдствія.

Порокъ есть господствующее расположеніе дѣлать зло; онъ совершенно противоположенъ добродѣтели и старается утверждать бытіе человѣчества, независимое отъ Бога.

Порокъ заражаетъ нравственное чувство человѣка и обнаруживается не только въ нѣкоторыхъ худыхъ поступкахъ, но и во всемъ томъ, что человѣкъ дѣлаетъ и чего не дѣлаетъ. По сему порочный, по крайней мѣрѣ по своему чувству, наклоненъ ко всякому преступленію, и унижается до того, что теряетъ право на человѣческое достоинство. Qui malus est, nullo uitio caret, habet enim omnia nequitiae semina (Seneca de benef. L. IV. c. 26. 27).

По сему необходимыя слѣдствія порока суть а) забвеніе о Богѣ — идеалѣ всего добра и b) смятеніе страстей, отнимающихъ душевное спокойствіе; с) совершенное непостоянство правилъ и характера. Впрочемъ не смотря на сіе, порочный всегда еще остается способнымъ къ нравственному исправленію, и не совершенно потерянъ для человѣчества: ибо какъ бы ни была подавлена свобода его порочною жизнію, она никогда не можетъ совершенно изкорениться въ его природѣ. Кромѣ того, по ученію Божественнаго Евангелія, благодать имѣетъ чудесное вліяніе на духъ и сердце человѣка.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ.

Частная или прикладная.

§ 34.

Предметъ ея.

Предметъ частнаго философскаго нравоученія состоитъ въ томъ, чтобы привесть наши чувствованія и поступки въ союзъ съ Богомъ, съ нами самими и со всѣмъ человѣчествомъ.

По сему частная нравственная философія обнимаетъ всѣ отношенія свободной жизни человѣка, стараясь особенно указывать ему путь къ идеалу земнаго совершенства — къ чистому и дѣятельному чувствованію, которое должно одушевлять всѣ человѣческіе поступки.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

СОГЛАСІЕ НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ СЪ БОЖЕСТВОМЪ.

§ 35.

Человѣчество соединяется съ Богомъ только посредствомъ духа истинной религіи. Ибо истинная религія состоитъ въ признаніи и почитаніи Бога, какъ Творца и Правителя міра, какъ Существа воздающаго, сообразно съ вѣчными законами высочайшаго правосудія, за добро и зло; она есть союзъ души человѣческой съ Богомъ, основывающій-ся на познаніи Бога и любви къ Нему. Человѣкъ, въ которомъ любовь сія сдѣлалась высочайшимъ благомъ чувства и характера, дѣлаетъ добро по влеченію сердечнаго расположенія и глубокой внутренней потребности, безъ всякаго при-

нужденія и насилія; при такомъ состояніи совершенства онъ и безъ помощи внѣшнихъ законовъ имѣетъ постоянное, неуклонное стремленіе къ добру, потому что и безъ сего внѣшняго указанія онъ живетъ и поступаетъ сообразно съ своею нравственною природою. Словомъ: когда религія проникла умъ и сердце человѣка: она необходимо обнаруживается непрерывнымъ направленіемъ души его къ Богу, — слѣдов. въ Богопочтеніи, внутреннемъ и внѣшнемъ.

БОГОПОЧТЕНІЕ ВНУТРЕННЕЕ.

§ 36.

Неограниченная преданность Богу.

Изъ вѣры, внушаемой религіею, проистекаетъ безпредѣльная довѣренность къ благости и всемогуществу Существа Высочайшаго. Ибо истинная вѣра разви-

ваетъ и возводитъ къ непреоборимой твердости то упованіе смертнаго, что все, случающееся съ нами въ жизни, есть откровеніе и распоряженіе промысла премудраго и преблагаго. По сему-то истинная преданность Богу столько же безпредѣльна, сколько и непоколебима; и она-то заставляетъ насъ быть умѣренными въ счастіи, терпѣливыми въ бѣдствіяхъ, общѣе: даетъ смертнымъ духъ и мужество во всѣхъ болѣе или менѣе тягостныхъ переворотахъ судьбы ихъ.

§ 37.

Молитва.

Молиться значитъ жить въ присутствіи Божества. Ибо молитва есть бесѣда нашего духа съ Богомъ; она бываетъ или внутренняя, когда заключается

въ тихомъ созерцаніи Божества, созерцаніи, коего глубину не въ состояніи выразить никакія слова; или внѣшняя, когда изливается въ словѣ, когда языкъ невольно движется отъ избытка сердечныхъ чувствованій.

Въ обоихъ случаяхъ молитва питаетъ умъ и сердце человѣка, просвѣщаетъ разсудокъ и укрѣпляетъ волю; ибо, кромѣ того, что духъ нашъ не можетъ не дѣлаться совершеннѣе, возвышаясь къ идеалу всѣхъ совершенствъ, во всѣ времена и всѣми народами признаваема была необходимость молитвы, и пренебреженіе оной почиталось признакомъ совершеннаго упадка духа и чрезвычайной его привязанности къ земному.

Смотря по различнымъ состояніямъ души, молитва человѣка состоитъ въ прошеніи духовныхъ и тѣлесныхъ благъ,

необходимыхъ для насъ самихъ, или для нашихъ ближнихъ. Въ последнемъ случаѣ требуется по необходимости, человѣколюбивое чувство, чтобы мы желали другимъ добра безъ всякихъ побужденій корыстныхъ, по одной истинной любви къ нашимъ ближнимъ, чтобъ мы просили у Бога добра всѣмъ людямъ, не только друзьямъ нашимъ, но и врагамъ.

БОГОСЛУЖЕНІЕ ВНѢШНЕЕ.

§ 38.

Необходимость его.

Такъ какъ внутренняя жизнь человѣка находится во взаимной неразрывной связи со внѣшнею: то и Богопочтеніе внутреннее необходимо требуетъ благочестивыхъ дѣйствій внѣшнихъ, которыя служатъ видимыми знаками истинно-ре-

лигіознаго чувства. За совершеннымъ пренебреженіемъ Богослуженія внѣшняго необходимо долженъ послѣдовать упадокъ внутренняго; ибо то и другое, разсматриваемое порознь, не имѣетъ или души, или тѣла, — качествъ, безъ коихъ невозможна полнота и сила Богослуженія. Словомъ: Богослуженіе внѣшнее необходимо для человѣка, доколѣ онъ существуетъ на землѣ.

§ 39.

Исповѣданіе религіи.

Внутреннее Богопочтеніе свое открыто доказываемъ мы явнымъ и дѣятельнымъ образомъ, когда ведемъ жизнь сообразную съ ученіемъ и законами религіи, но особенно, когда исповѣдуемъ свою вѣру предъ другими, не смотря на опасность, угрожающую нашей собствен-

ности, чести, благосостоянію, и даже самой жизни, — исповѣдуемъ съ мужествомъ и неустрашимостію истиннаго героя религіи.

Сему свободному, благородному и открытому исповѣданію вѣры противополагается a) намѣренная скрытность въ отношеніи къ образу вѣроисповѣданія, неумѣстно оказывающаяся особенно тогда, когда по требованіямъ Правительства мы обязываемся открыть свое сердце относительно одной изъ священнѣйшихъ потребностей его; b) равнодушіе ко всякой религіи, или, такъ называемый, религіозный индифферентизмъ; c) Богоотступничество, которое есть слѣдствіе глубочайшаго и почти невѣроятнаго упадка духовныхъ силъ человѣка.

§ 40.

Открытое общественное Богослуженіе.

Назначеніе религіи не состоитъ исключительно въ томъ, чтобы проникать и оживлять одну внутреннюю жизнь человѣка; она должна обнаруживаться въ нашихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ. По сему дѣятельная вѣра не можетъ быть и существовать безъ церковнаго общества. Церковь въ ея видимомъ существованіи есть внѣшнее выраженіе внутренней религіозной жизни человѣка, — слѣдов. есть какъ бы религія, осуществившаяся въ опытѣ. Чувство религіи всегда имѣетъ нужду въ оживленіи и сохраненіи, — и если какъ оно можетъ достигать полнаго своего развитія: то именно при помощи того торжественнаго настроенія душъ, которое соеди-

няетъ благочестивыхъ при общественномъ Богослуженіи и совершеніи священныхъ обрядовъ, установленныхъ церковію.

Когда вліяніе религіи проникло во всѣ отрасли жизни народа: она вступаетъ въ союзъ съ изящными искусствами и представляется намъ въ томъ высокомъ великолѣпіи, которое составляетъ славу, блескъ и украшеніе общественнаго Богопочтенія.

§ 41.

Религіозная клятва.

Клятва (iusiurandum) есть призываніе Бога во свидѣтельство истины; она раздѣляется на клятву утверждающую и клятву обязывающую. И въ томъ и въ другомъ случаѣ клятва есть внѣшнее выраженіе религіи, доказывающее нашу вѣру въ правосудіе и всевѣденіе Бога.

Впрочемъ не должно имѣть расположенія къ клятвѣ, какъ къ чему нибудь доброму; ибо клятва есть только крайнее средство открыть или подтвердить истину въ важнѣйшихъ случаяхъ; она происходитъ отъ зла, именно, отъ недостатка человѣческой искренности.

И при семъ происхожденіи клятвы употребленіе оной не перестаетъ быть дѣйствіемъ добрымъ, полезнымъ и необходимымъ; самое ужасное преступленіе относительно святости религіи, есть клятвопреступленіе, или намѣренное, лукавое призываніе Бога во свидѣтеля при увѣреніяхъ, или показаніяхъ, несправедливыхъ. Это преступленіе показываетъ высочайшій степень безсовѣстности и совершеннаго презрѣнія ко всему, что уважается и почитается священнымъ въ человѣческихъ обществахъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

НРАВСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ, РАЗСМАТРИВАЕМАЯ ВЪ ГАРМОНІИ СЪ НАМИ САМИМИ.

§ 42.

Основаніе сей гармоніи.

Согласіе нравственнаго бытія съ нашею собственною личностію проистекаетъ изъ благочестивой увѣренности въ томъ, что мы не принадлежимъ исключительно намъ самимъ, но составляемъ собственность Божества и человѣчества. Въ семъ случаѣ нравственное чувство разливаетъ свой свѣтъ, свою жизнь на тѣло и духъ человѣка, имѣя непосредственнымъ предметомъ своимъ тотъ долгъ, которымъ мы обязываемся сохранять себя и облагороживать.

§ 43.

Самосохраненіе.

Если бы жизнь наша была для самой себя цѣлію: то непозволительно было бы намъ подвергать ее опасности, или въ случаѣ нужды, дѣлать ею пожертвованіе любви къ Богу и ближнимъ; посему не было бы никакаго героизма или высокаго духа; слѣдов. жизнь наша не можетъ быть разсматриваема, какъ цѣль сама въ себѣ, но какъ средство къ осуществленію высочайшаго блага — идеи, которая подобно солнцу освѣщаетъ область міра нравственнаго.

§ 44.

Самоубійство и его главныя виды.

Самоубійство вообще есть намѣренное разрушеніе тѣла и жизни, происходя-

щее изъ побужденій безнравственныхъ. Оно можетъ совершаться въ двухъ главныхъ видахъ, именно: а) самоубійство можетъ быть мгновенное и b) медленное.

§ 45.

Первый видъ самоубійства.

Первый видъ самоубійства обнаруживается въ быстромъ и умышленномъ разрушеніи тѣла и жизни, сдѣланномъ съ намѣреніемъ безнравственнымъ. Именно къ самоубійству сему прибѣгаетъ человѣкъ для того, чтобы окончить жизнь свою насильно и внезапно. Поколику сей насильный поступокъ проистекаетъ изъ свободной рѣшимости: потолику онъ вмѣняется человѣку въ вину, и какъ преступленіе, или лучше, оскорбленіе священныхъ правъ человѣчества,

и нарушеніе обязанностей человѣка въ отношеніи къ собственной его личности, долженъ быть строго осуждаемъ.

Впрочемъ возможно и героическое пожертвованіе жизнію, котораго никакъ не льзя почитать и называть самоубійствомъ. Ибо героизмъ, о которомъ мы здѣсь говоримъ, состоитъ во вдохновенномъ намѣреніи человѣка лучше свободно отрѣшиться отъ тѣла, нежели дѣлать или терпѣть то, что унижаетъ и безчеститъ нравственную нашу природу. Ибо высокій духъ приводитъ въ движеніе свободу человѣка, запечатлѣвающаго свою любовь къ добру пожертвованіемъ жизни. Примѣры сего героическаго духа находятся не столько въ лѣтописяхъ міра языческаго, сколько Христіанскаго.

§ 46.

Можетъ ли быть извинительно самоубійство.

Самоубійство есть безусловное зло, слѣдовательно неизвинительно ни въ какомъ случаѣ. Ибо жизнь, какъ главнѣйшее средство, коимъ человѣкъ долженъ осуществлять идею нравственнаго добра, имѣетъ истинное неоспоримое достоинство; посему кто не желаетъ имѣть средства, тотъ не желаетъ стремиться къ цѣли.

Примѣчаніе. Всѣ болѣе или менѣе благовидныя извиненія сего ужаснѣйшаго преступленія, вымышленныя въ древнія и новѣйшія времена, основываются на ложныхъ началахъ и не могутъ выдержать философской критики. — Въ осмнадцатомъ вѣкѣ самоубійство нашло

себѣ пылкихъ, впрочемъ слабыхъ защитниковъ въ нѣкоторыхъ философахъ Англіи.

§ 47.

Главная причина самоубійства.

Главная причина сего преступленія скрывается въ недостаткѣ религіи и страха Божія. Ибо только тамъ, гдѣ погасъ религіозный духъ, необходимо умираетъ все, что есть истиннаго и благороднаго въ человѣческомъ духѣ. Невѣріе и равнодушіе во всякой религіи разслабляютъ родъ человѣческій — и самоубійство есть довольно обыкновенное явленіе въ вѣкахъ нравственнаго разслабленія. Нравственная слабость легко ведетъ къ отчаянію, которое уже не въ состояніи переносить тяжкаго бремени бытія.

§ 48.

Медленное самоумерщвленіе.

Сюда относится a) совершенное небреженіе о здоровьѣ, b) развратъ, и c) неумѣренное употребленіе вещей, служащихъ къ сохраненію жизни.

ОБЛАГОРОЖЕНІЕ БЫТІЯ.

§ 49.

Надежнѣйшій путь къ нравственному благородству.

Безъ самопознанія и владычества надъ самимъ собою никакое нравственное усовершенствованіе невозможно. И такъ усовершенствованіе свое мы должны начинать исполненіемъ того высокаго изреченія, которое было написано на храмѣ

Дельфійскомъ: *учись познавать самаго себя*, учись познавать свои силы, способности добрыя и худыя наклонности, свои недостатки и погрѣшности. Управляй твоими своекорыстными побужденіями и наклонностями, лишающими тебя способности дѣлать какое нибудь пожертвованіе добру. Даже языческіе философы смотрѣли на господство человѣка надъ самимъ собою, какъ на самое благородное торжество его свободы. Fortior est, qui vincit se, quam qui fortissima vincit moenia.

§ 50.

Образованіе духовныхъ способностей.

Нравственное благородство невозможно безъ развитія и усовершенствованія преимущественныхъ способностей нашего духа — именно способности по-

знанія, чувствованія и желанія. Ибо для того, чтобъ человѣкъ вознесся на степень возможнаго ему совершенства, должны принять въ немъ одинакое направленіе и умъ и сердце, — дѣйствовать сообразно съ закономъ единства. — Добро должно имѣть тѣснѣйшую связь съ истиннымъ и прекраснымъ, и вполнѣ отпечатлѣть себя въ познаніи Бога и любви къ Нему. — При всѣхъ преимуществахъ ученаго образованія человѣкъ еще можетъ имѣть недостатокъ въ самомъ существенномъ и высочайшемъ, если духъ религіи не оживляетъ внутренней и внѣшней его жизни.

§ 51.

Честь и добрая слава.

Честь и добрая слава безспорно имѣютъ великую цѣну въ отношеніи къ

нравственной жизни. Но надобно различать честь внутреннюю и внѣшнюю. Честь внутренняя не можетъ быть отдѣлена отъ господствующаго расположенія дѣлать добро, слѣдовательно отъ самой добродѣтели, и собственно состоитъ въ неукоризненномъ характерѣ и поведеніи человѣка. Такую честь надобно считать высшимъ благомъ въ сравненіи съ жизнію.

Совсѣмъ не такаго свойства честь внѣшняя:—объ ней нельзя сказать: honor et vita pari passu ambulant, честь и жизнь имѣютъ одинаковое достоинство. Ибо внѣшняя наша честь состоитъ въ хорошемъ мнѣніи другихъ людей о нашемъ личномъ достоинствѣ. Если теперь истинное достоинство человѣка нисколько не зависитъ отъ похвалы или хулы другихъ; то очевидно мы не мо-

жемъ дорожить честію внѣшнею больше, нежели внутреннею. Слѣд. мы должны защищать свое доброе имя противъ несправедливыхъ нарѣканій не иначе, какъ при помощи средствъ, сообразныхъ съ законами религіи и нравственности.

§ 52.

Земныя блага.

Земныя блага тогда только имѣютъ цѣну, когда по распоряженію Божію служатъ намъ къ нравственному совершенству. Кто любитъ ихъ потому, что находитъ ихъ важными въ самихъ себѣ, или кто расточаетъ ихъ на однѣ чувственныя наслажденія; тотъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣлается рабомъ суеты и ничтожества.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

СОГЛАСІЕ НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ СЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВОМЪ.

§ 53.

Основаніе сей гармоніи.

Нравственный долгъ человѣка въ отношеніи къ ближнимъ основывается на увѣренности нашей въ томъ, что нельзя имѣть истинной любви къ Богу, не выражая ее въ дѣлахъ правды и благотворительности въ отношеніи къ человѣчеству. Тотъ, кто не любитъ ближняго, который находится предъ глазами его и притомъ есть живый отпечатокъ Божества,—можетъ ли, по неложному замѣчанію Апостола, любить Бога, котораго онъ не видитъ и который обитаетъ во свѣтѣ неприступномъ?

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ БЛИЖНИМЪ.

§ 54.

Долгъ справедливости и область ея.

Долгъ справедливости обязываетъ насъ уважать и считать неприкосновенными жизнь, честь и собственность нашихъ собратій. Сіе уваженіе должно выражаться, какъ въ нашихъ дѣйствіяхъ, такъ и чувствованіяхъ.

§ 55.

Несправедливое нападеніе на тѣло и жизнь.

Законъ справедливости говоритъ: ты не долженъ убивать ближнихъ, или ты не долженъ дѣлать несправедливаго нападенія на тѣло твоего собрата.

Тотъ, кто намѣренно и беззаконно

умерщвляетъ своего собрата, есть смертоубійца, одинъ ли, и самъ ли, онъ совершаетъ это злодѣяніе, или при помощи и чрезъ посредство другихъ.

Убійство есть преступленіе, поражающее ужасомъ нашу нравственную природу. Но оно теряетъ видъ преступленія, когда мы находимся въ необходимости, или должны защищать собственную жизнь, которой хотятъ лишить насъ беззаконно. Кто не иначе можетъ избавиться отъ злодѣя, несправедливо нападающаго на его жизнь, какъ умерщвленіемъ его самаго, того нельзя считать убійцею.

§ 56.

Несправедливое нападеніе на честь и доброе имя.

Нападать на заслуженную честь на-

шего собрата несправедливымъ образомъ — есть зло безусловное. Таковый беззаконный навѣтъ называется *клеветою.* Ея источникъ заключается въ гнусномъ навыкѣ нѣкоторыхъ людей осуждать въ какомъ нибудь преступленіи другихъ совершенно неукоризненной нравственности, или умышленно распространять неосновательный слухъ объ ихъ мнимыхъ порокахъ, чтобъ такимъ образомъ повредить ихъ славѣ и лишить довѣренности.

Клевета противорѣчитъ законамъ религіи и нравственности. Впрочемъ справедливость и добродѣтель обязываютъ насъ не обинуясь обнаруживать преступленія дѣйствительныя, если сего требуетъ отъ насъ должность. Ибо подобныя симъ открытія нисколько непротивны законамъ правды и служатъ

къ прямодушному достиженію той доброй цѣли, чтобъ возпрепятствовать распространенію зла.

§ 57.

Несправедливое нападеніе на собственность.

Вѣчный законъ справедливости говоритъ: ты не долженъ беззаконно отнимать собственности у собрата. — Впрочемъ бываютъ случаи, въ которыхъ употребленіе чужой собственности перестаетъ быть беззаконнымъ, именно, когда мы не иначе можемъ спасти жизнь свою, или жизнь нашего собрата, какъ воспользовавшись чужимъ добромъ. Потому что земныя блага не имѣютъ въ распоряженіи промысла такого назначенія, чтобъ когда нибудь сдѣлать невозможнымъ наше существованіе, но — чтобъ сохра-

нять и поддерживать его для цѣлей высшихъ.

Посему въ изложенномъ законѣ правды говорится только о несправедливомъ присвоенiи чужаго имѣнія и добра, присвоенiи, которое совершается на пр. въ воровствѣ, обманахъ, грабительствѣ. Тотъ кто не возвращаетъ ближнему беззаконно отнятой или прiобрѣтенной отъ него собственности, предъ судомъ справедливости подлежитъ еще большему наказанiю въ сравненiи съ хищникомъ раскаявшимся. Ибо упорствомъ своимъ усиливаетъ безнравственность своего преступленія.

ЛЮБОВЬ КЪ БЛИЖНИМЪ.

§ 58.

Дѣятельное участiе въ нуждахъ.

Нужды суть слѣдствiе несчастныхъ

обстоятельствъ, которыя постигая или тѣло, или жизнь, или честь или наконецъ собственность нашихъ ближнихъ, поставляютъ ихъ въ такое положеніе, что они немогутъ сохранить сихъ благъ безъ нешей помощи. Посему любовь къ ближнимъ открывающаяся тогда, когда они борются съ несчастіями, разсматривается въ отношеніи а) къ ихъ жизни и здоровью, b) къ чести и доброму имени, наконецъ въ отношеніи с) къ собственности.

Она бываетъ тѣмъ чище и благороднѣе, чѣмъ съ большимъ безкорыстіемъ мы принимаемъ участіе въ бѣдствіяхъ нашихъ ближнихъ, и чѣмъ съ большею охотою жертвуемъ ближнимъ всѣмъ, что имѣемъ, даже самою жизнію.

§ 59.

Любовь къ истинѣ въ обхожденіи съ другими.

Она обнаруживается въ словахъ и дѣлахъ нашихъ прямотою и честностію души, и ничего не терпитъ такаго, въ чемъ замѣчается ложь, обманъ и коварство.

Любовь къ ближнему требуетъ, чтобъ мы не обманывали умышленно нашего собрата, всегда имѣющаго полное право на нашу откровенность. Впрочемъ сія любовь не обязываетъ насъ открывать повѣренную намъ истинную тайну, хотя бы кто сего и требовалъ отъ насъ. Легкомысленно нарущать святость истинной тайны значило бы во зло употреблять довѣренность другихъ. Особенно надобно свято хранить тѣ тайны, от-

крытіе которыхъ сопряжено съ нарушеніемъ уваженія къ должности и клятвѣ

Истинными тайнами мы называемъ только тѣ, которыя не противорѣчатъ нравственности и религіи. Ибо бываютъ тайны мнимыя (mysteria iniqua), каковы напр. заговоръ противъ государства, тайные замыслы противъ жизни ближняго и тому подобныя; открывать ихъ обязанъ каждый человѣкъ безъ исключенія.

ЛЮБОВЬ КО ВРАГАМЪ.

§ 60.

Законъ религіи и нравственности обязываетъ насъ любить все человѣчество, не исключая и тѣхъ, кои даже безъ всякаго съ нашей стороны побужденія, дѣлаютъ или замышляютъ намъ зло

И такъ если истинная любовь къ человѣчеству не терпитъ никакаго исключснія, потому что, и по уму и по откровенію, она должна имѣть своей отличительною чертою всеобщность: то мы обязаны a) изъ любли къ Богу отдавать справедливость врагамъ, т. е. гнушаться каждымъ беззаконнымъ нападеніемъ на ихъ жизнь, честь и собственность; b) творить добро и помогать въ нуждахъ ненавидящихъ насъ и наконецъ c) прощать обиды, которыя они намъ причиняютъ, и вмѣстѣ искоренять въ душе нашей чувство гнѣва, ненависти и мщеніе, такъ гибельное для Христіанскаго спокойствія человѣчества — для мира всего міра.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Всеобщее введеніе. . . . . . . 1.

§ 1. Различіе дѣятельнаго и умозрительнаго познанія.

§ 2. Понятіе дѣятельной философіи.

§ 3. Предметъ дѣятельной философіи.

§ 4. Раздѣленіе дѣяпельной философіи.

§ 5. Отношеніе дѣятельной философіи къ умозрительной.

Частное Введеніе . . . . 5.

§ 6. Понятіе философскаго нравоученія.

§ 7. тношеніе его къ нравоученію О Христіанскому.

§ 8. Достоинство его и польза.

Часть первая. Всеобщая нравственная философія . . . . 8.

§ 9. Предметы общей нравственной философіи.

Стр.

Глава первая. Идея добра . . . 8.

A) *Всеобщее развитіе идеи добра.*

§ 10. Доброе есть религіозная идея.

§ 11. Высочайшее добро и высочайшее зло.

§ 12. Блага относительныя.

B) *Первоначальный законъ нравственной жизни* . . . . 13.

§ 13. Существенныя свойства высочайшаго нравственнаго закона.

§ 14. Высочайшее начало нравственности.

C) *Производные нравственные законы* 16.

§ 15. Содержаніе ихъ.

§ 16. Противорѣчіе нравственныхъ законовъ.

§ 17. Нравственная обязанность и должность.

Глава вторая. О нравственной свободѣ.

A) *Развитіе идеи нравственной свободы* 21.

§ 18. Свобода воли въ противоположности съ необходимостію естественною.

Стр.

§ 19. Свобода внутренняя и внѣшняя.
§ 20. Задачи касающіяся нравственной свободы.
§ 21. Понятіе такъ называемаго детерминизма.
§ 22. Различіе детерминизма отъ фатализма.
§ 23. Ложныя основанія детерминизма.

B) *Нравственное вмѣненіе* . . . . . 33.

§ 24. Его понятіе и область.
§ 25. Вмѣненіе чего нибудь въ поступокъ.
§ 26. Понятія нравственной заслуги и нравственной вины.

C) *Совѣсть* . . . . 37.

§ 27. Понятіе и два рода совѣсти.
§ 28. Совѣсть есть существенная принадлежность нашей природы.

Глава третія. Нравственная побудительная причина.

A) *Развитіе сей идеи* . . . . 40.

§ 29. Двоякій видъ побудительной причины.
§ 30. Какія нужны побужденія для нравственно-добраго поступка.

Стр.

§ 31. Понятіе поступковъ нравственно безразличныхъ.

B) *Добродѣтель и порокъ* . . . 44.

§ 32. Понятіе и существенные свойства добродѣтели.

§ 33. Порокъ и его необходимыя слѣдствія.

Часть вторая. Нравственная философія частная . . . . 47.

Глава первая. Согласіе нравственной жизни съ Божествомъ . . . 48.

A) *Богопочтеніе внутреннее* . . . 49.

§ 36. Неограниченная преданность Богу.

§ 37. Молитва.

B) *Богослуженіе внѣшнее* . . . 52.

§ 38. Необходимость Богослуженія внѣшняго.

§ 39. Исповѣданіе религіи.

§ 40. Открытое общественное Богослуженіе.

§ 41. Религіозная клятва.

Глава вторая. Нравственная жизнь въ гармоніи съ нами самими . . 58.

§ 42. Основаніе сей гармоніи и ея виды.

Стр.
А) *Самосохраненіе* . . . . . . 59.
§ 44. Самоубійство и его главныевиды.
§ 45. Первый видъ самоубійства.
§ 46. Можетъ ли быть извинительно самоубійство.
§ 47. Главная причина самоубійства.
§ 48. Медленное самоумерщвленіе.

В) *Облагороженіе бытія* . . . . 64.
§ 49. Надежнѣйшій путь къ нравственному благородству.
§ 50. Образованіе духовныхъ способностей.
§ 51. Честь и добрая слава.
§ 52. Земныя блага.

Глава третія. Согласіе нравственной жизни съ человѣчествомъ . . 69.
§ 53. Основаніе сей гармоніи.

А) *Справедливость въ отношеніи къ ближнимъ* . . . . 70.
§ 54. Долгъ справедливости и область ея.
§ 55. Несправедливое нападеніе на тѣло и жизнь.
§ 56. Несправедливое нападеніе на честь и доброе имя.

Стр.

§ 57. Несправедливое нападеніе на собственность.

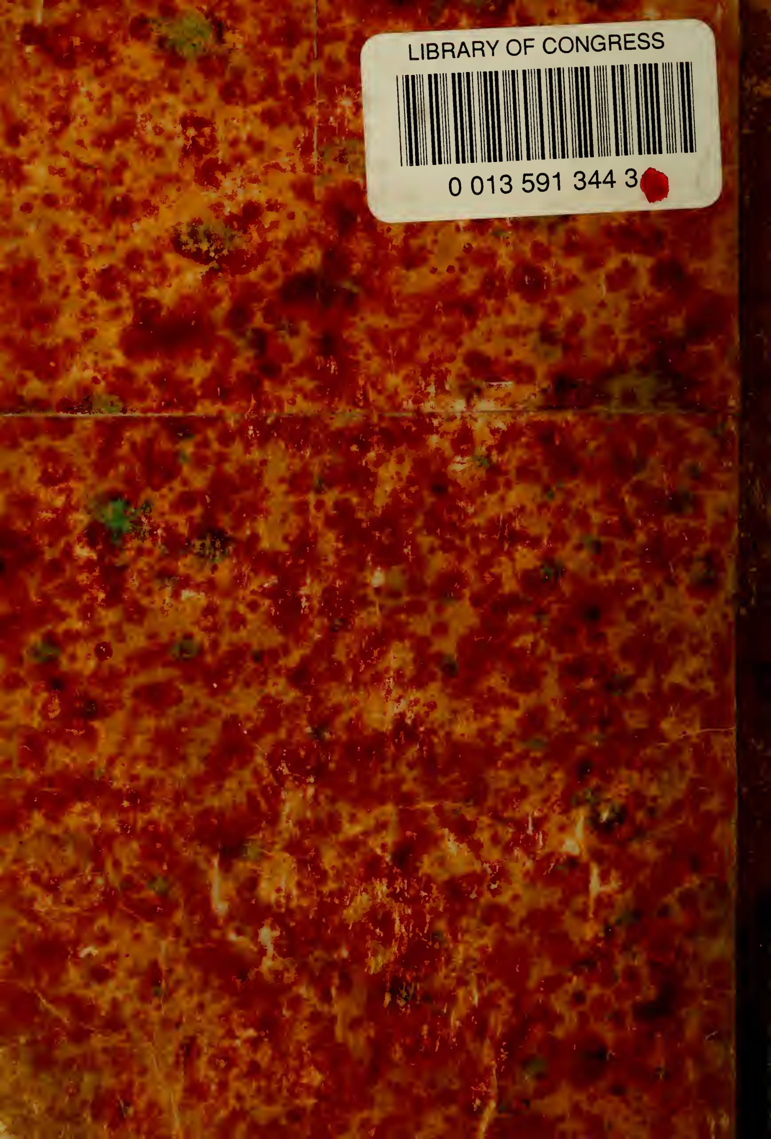
В) *Любовь къ ближнимъ* . . . 74.

§ 58. Дѣятельное участіе въ нуждахъ другихъ.

§ 59. Любовь къ истинѣ въ обхожденіи съ другими.

§ 60. Любовь къ врагамъ.

В И.
ЧКОВЪ
С.П.Б.

LIBRARY OF CONGRESS
0 013 591 344 3